

СЛУЖИЛОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ
В ЧЕРНСКОМ УЕЗДЕ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

М. Н. Тихомиров в работе «Россия в XVI столетии» писал: «в течение нескольких веков в диком поле население располагалось как бы островками. Только в XVI веке медленно, но методически граница России продвигается на юг. В диком поле возникают новые города, заселяются, осваиваются новые районы, устраиваются сторожевые за-секи, организуется станичная служба»¹.

Одним из таких городов в западной части системы южной оборон-ной полосы был город Чернь.

Город Чернь и Чернский уезд располагались в юго-западной ча-сти бывшей Тульской губернии, на водоразделе притоков Оки, рек Зуши и Упы. Он был одной из крепостей в общем оборонительном рубеже, которая наряду с Крапивной, Одоевом, Новосилем и Мценском закры-вала доступ врагу со стороны Муравского шляха к заозким городам

В первой половине XVII в. Чернский уезд был заселен слабо, осо-бенно с окраин, хотя в центре его насчитывалось 49 населенных пунктов. Это объясняется несомненно беспокойным местоположением его между двух больших дорог (Муравского шляха — на востоке и Пахнутцовой дороги — на западе), по которым крымские татары совершали свои набеги в глубь Русского государства.

Первое упоминание о Черни встречается в завещании Ивана Гроз-ного (1578 г.)², к этому времени, т. е. к 70-м годам XVI в., и следует отнести постройку самого города-острога на левом берегу реки Черни³. Установить точную дату возникновения города пока нет возможности, хотя В. П. Семенов⁴ считает такой датой 1578 г., возможно, основы-ваясь на дате указанного завещания.

Описаний внешнего вида города первой половины XVII в., к сожа-лению, не сохранилось. В описи городов 1678 г. указывается, что «город Чернь построен на речке на Черни стоячим острогом. По городу 9 ба-шень, в том числе 3 башни с проезжими вороты, 6 башень глухих»⁵. В первой половине XVII в. Чернь была типичным острожком, население которого составляли ратные люди. Об этом свидетельствуют сохранив-

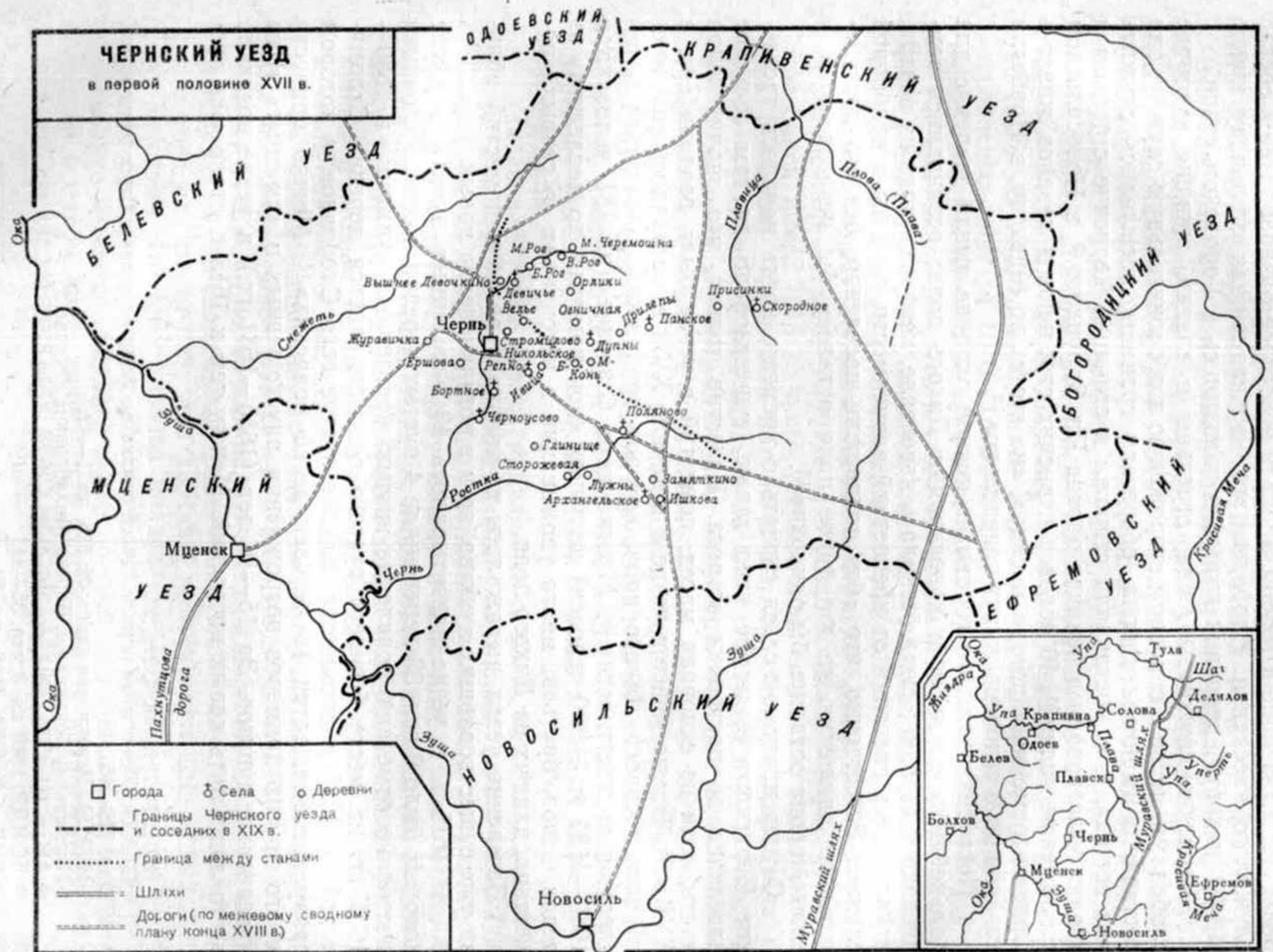
¹ М. Н. Тихомиров, *Россия в XVI столетии*, М., 1962, стр. 415.

² ДДГ, М.—Л., 1950, стр. 435.

³ «А на речке на Черни город Чернь от Мценска 30 верст, а от старые Крапивны 40 верст, а от Новые верст с 50 и больше», — см. «Книга Большому Чертежу». Под ред. К. Н. Сербиной, М.—Л., 1950, стр. 16.

⁴ «Россия. Полное географическое описание нашего отечества». Под ред. В. П. Семенова, т. II, СПб., 1902, стр. 482.

⁵ ДАИ, т. IX, СПб., 1875, № 106, стр. 262.

шие источники. Сметный список 1630—1631 гг.⁶, строельная книга 1640—1641 гг.⁷, переписная книга 1646 г.⁸ показывают, что посадского населения в городе не было, а населен он был стрельцами, казаками, пушкарями и затинщиками. Лишь небольшие частновладельческие слободы, примыкающие к городу, вносили некоторое разнообразие в состав служилого населения. Слободы эти принадлежали стольнику князю И. Ф. Лыкову⁹, владения которого находились в Городском стане.

Чернские служилые люди, стрельцы и казаки, жившие в городе слободами, несли в основном сторожевую и оборонительную службу: они составляли гарнизон города, оберегали границы, посылались служить «на вестех», т. е. составляли сторожи и станицы. Чернские стрельцы и казаки участвовали в походах против Ив. Заруцкого¹⁰, в Новосильском сторожевом полку¹¹, 40 человек чернских стрельцов и казаков живет в Орле «переменяясь по два месяца», «на вестех во Мценску, в Новосили казаков по 2 человека живут понедельно»¹².

Постройка каждого города на южной окраине имела значение для дальнейшего освоения и колонизации Дикого поля; осваивались земли вокруг городка; сюда стекалось население, которое, уходя из центра, искало здесь спасения от крепостной зависимости хотя бы в приборной службе. Естественно, что «без поддержки населения, без его поступательного движения на юг дикое поле осталось бы незаселенным и новые города остались бы одиноки»¹³.

С уверенностью нельзя сказать о времени, когда началось заселение Чернского уезда; не ясно также, существовало ли там сельское население до постройки острога. Известно только, что значительная часть, если не основная масса, поместий в уезде была роздана еще в XVI в.¹⁴ Тем не менее в уезде и в начале XVII в. оставалось еще много незаселенного Дикого поля, которое продолжало заселяться в последующие десятилетия¹⁵. Многие дети боярские (из 181 человека в 1630—1631 гг. — 130 человек) получили свои поместья по наследству от дедов, отцов, братьев; много упоминаний в источниках «о старых» поместьях, данных из Дикого поля.

Заселение уезда выражалось не только в раздаче поместий вблизи уже существовавших пунктов, но и в возникновении новых.

В 1615 г. в уезде насчитывалось 43 населенных пункта, в числе которых было 9 сел, 30 деревень да 4 пустых деревни и села. Источники постоянно отмечают появление жилых населенных пунктов: в 1630—1631 гг. на месте бывшего пустого села появляется деревня Строилово¹⁶, в 1645 г. заселяется бывшее пустое село Скородное, в котором сразу «испомещается 16 человек детей боярских»¹⁷. Можно привести много других примеров возрождения опустошенных в «смутные» годы населенных пунктов. За 15—16 лет (1615—1631 гг.) в уезде возникло всего лишь пять новых поселений. Между тем к 1615 г. стало уже око-

⁶ ВОИДР, 1843, кн. 4, стр. 27.

⁷ ЦГАДА, Поместный приказ (далее ссылка на фонд опущена), Строельная книга, № 371, лл. 428—460.

⁸ ЦГАДА, Переписная книга, № 526, лл. 1—42.

⁹ Племяннику боярина кн. Бориса Михайловича Лыкова.

¹⁰ АИ, т. III, СПб., 1841, стр. 16.

¹¹ ВОИДР, 1849, кн. 3, стр. 35—41.

¹² РИБ, т. X, СПб., 1886, стр. 30.

¹³ М. Н. Тихомиров, *Россия в XVI столетии*, стр. 420.

¹⁴ ЦГАДА, Приправочная книга, № 524, л. 139.

¹⁵ ЦГАДА, Отказные книги, № 8995, лл. 12, 13, 55, 56.

¹⁶ ГИМ, ОР, Увар., № 76—4⁰, л. 8.

¹⁷ ЦГАДА, Отказные книги, № 8995, л. 423.

до 40 населенных пунктов. Можно думать, что для возникновения такого числа населенных пунктов к 1615 г. едва ли хватило бы времени от 70-х годов XVI в. до 1615 г., т. е. 45 лет, прошедших от возможного момента основания острога. Конечно, возникновение первых поселений могло происходить быстрее, чем впоследствии, но все же нам кажется, что 45 лет для возникновения 40 населенных пунктов недостаточно. Чернский уезд, вероятно, имел население и до организации при Иване Грозном укрепления в этом месте. Можно думать, что во время страшных татарских набегов 1570—1571 гг. эти места подвергались сильному опустошению; именно это обстоятельство могло послужить толчком к постройке здесь нового острога.

В первой половине XVII в. в Чернском уезде прослеживаются три группы населения: дети боярские, казаки и владельческие крестьяне. Тщательный анализ имеющихся Чернских приправочных, писцовых и переписных книг за 1615—1646 гг. дает возможность проследить изменения количественного состава этих групп.

Земля распределяется в уезде неравномерно: большая часть оказывается в руках детей боярских, меньше у казаков и очень небольшой процент у зависимого крестьянского населения.

Из приборных служилых людей в Чернском уезде жили казаки. Им принадлежала в городе слобода, а в уезде 3 села и 5 деревень. В приправочной книге 1615 г. часто указывается: «а на тое пашню была у них (казаков) Государева царева и вел. кн. Федора Ивановича грамота»¹⁸. Раз землей они владели по его грамоте, то и устроены, видимо, были в то же время. Весьма возможно, что они вербовались из пришлого и ставшего местным населения.

Казачьи села и деревни отличались своей населенностью. По данным 1615 г., в селе Черноусове насчитывалось 48 дворов, в селе Бортом — 40 дворов, в селе Полянках — 31 двор; число дворов в казачьих деревнях колебалось от 6 до 22. Всего в уезде в 1615 г. было 184 казачьих двора¹⁹.

За свои службы казаки наделялись землей, которая давалась им сразу при испомещении. Обеспечение служилых людей за службу (стрельцов, казаков и др.) землей наблюдается почти во всех южных городах и уездах²⁰. Каждому казаку в селе или деревне отводилась земля под двор, огород, гуменник в одинаковом размере (по 375 кв. сажень); кроме того, казаки получали землю в уезде, в общем поле под пашню и угодья. Земля давалась сразу целой группе казаков, т. е. казакам всего села или целой казачьей деревне. Владели они этой землей на общем основании, по одной на всех данной грамоте на землю. Так, например, дано было казакам села Черноусова 240 четвертей земли²¹. Получив землю, казаки каждого села и деревни делили ее поровну между собой. Первоначально размер земельной дачи, отводимой казакам того или иного села или деревни, не лимитировался определенными нормами. Поэтому казачьи владения разных сел и деревень были весьма различны. Однако к 1641 г. картина казачьего землевладения несколько меняется. Казачий оклад повсеместно уравнивался до 20 четвертей в одном поле, причем при отводе земель казакам указывалось владеть ею «через десятину, через межу по дачам».

¹⁸ ЦГАДА, Приправочная книга, № 524, л. 80.

¹⁹ Там же, л. 85.

²⁰ В. А. Александров, *К вопросу о происхождении сословия государственных крестьян*, — ВИ, 1950, № 10, стр. 88—92.

²¹ ЦГАДА, Приправочная книга, № 524, л. 80.

Общее уравнительное пользование угодьями приводило к тому, что все казаки данной деревни находились в одинаковом положении: они получали одинаковую землю и по качеству, и по отдаленности от жилья. Этот порядок землепользования характерен для южных приборных людей²² и сходен с крестьянским общинным владением. В то же время он сближается с тем порядком, который складывался на южной окраине среди детей боярских.

Дети боярские владели в Чернском уезде бóльшей частью земель. В 1615 г. за 181 землевладельцем числилось 10 728 четвертей земли в одном поле, «а в дву потому ж». С течением времени к 1630—1631 гг. число таких землевладельцев увеличилось до 288 человек и количество земли, находившейся в их владении, возросло до 13 423 четвертей. Земля эта распределялась очень неравномерно между помещиками. Одни владели поместьями очень небольшого размера в 5—20 четвертей в поле, в то время как в руках других сосредоточивалось до 200—300 четвертей. Таким образом, число помещиков возросло, в общем, за 15—16 лет на 26%, в той же степени, на 25%, возросло и общее количество розданной им земли.

Размеры поместий («в четьх в одном поле, а в дву потому ж»)	Число землевладельцев		Увели- чение	Количество земли (четвертей в поле)		Средний размер поместья (четвертей в пол.)	
	1615 г.	1630— 1631 гг.		1615 г.	1630— 1631 гг.	1615 г.	1630— 1631 гг.
От 5 до 25	27	45	18	508	803	18,8	17,8
» 26 » 50	59	72	13	2 282	2 687	38,6	37
» 51 » 75	62	68	6	3 915	4 201	63	61,7
» 76 » 100	20	20	—	1 817	1 823	90,8	91
» 101 » 200	10	18	8	1 365	2 469	136,5	137
Свыше 200	3	5	2	871	1 440	290	288
Всего . . .	181	228	47	10 758	13 423		

Как видно из приведенной таблицы, в уезде преобладали помещики, владевшие средними поместьями в 26—75 четвертей в поле, много также было и незначительных поместий в 5—25 четвертей. Крупных землевладельцев в уезде было мало (33 человека в 1615 г. и 43 — в 1630—1631 гг.).

Обычно при верстании в службу сыну боярскому отводился участок земли по окладу, т. е. определенного размера. Оклады большинства детей боярских Чернского уезда равнялись 100—150 четвертям, лишь у нескольких служилых людей оклад был выше указанного (350 четвертей у Бегичева, 500 четвертей у Паршина, 750 четвертей у Головина и др.)²³.

Преобладание в уезде мелких помещиков объясняется тем, что, как правило, при верстании детям боярским отводилась лишь часть окладной земли. Лишь с течением времени дети боярские получали, смотря по ходу их службы и местным земельным возможностям, добавки к своим поместьям, каждый раз по челобитью заинтересованных лиц. Таков был общий порядок. Правительство, конечно, учитывало благоприятные для ведения сельского хозяйства почвенно-климатические условия,

²² В. Александров, *К вопросу...*, стр. 91—92.

²³ Это устанавливается по Чернским писцовым книгам 1630—31 и отказным 1622—1658 гг.

характерные для южных уездов, и не было расточительным в отношении земельного фонда.

С 1615 по 1630—1631 гг. общее количество поместных землевладельцев увеличилось в уезде на 47 человек, причем главным образом за счет мелких помещиков. Кроме того, мелкие владения образовывались в результате дробления поместий при передаче их по наследству.

	Всего землевладельцев	Из них получило земли		
		по наследству	от чужеродцев	из Дикого поля
По приправочной книге 1615 г.	181	130	21	30
По писцовой книге 1630—1631 гг.	228	173	37	18

Число крупных землевладельцев возрастало медленно. Крупные поместья образовывались исключительно путем увеличения небольших поместий в результате прирезок и додач. Большею частью среди крупных землевладельцев встречаются все те же черняне, ранее имевшие небольшие земельные владения и затем получавшие прибавки в дополнение к «старым» поместьям. В основном Чернский уезд в первой половине XVII в. был заселен мелкопоместными детьми боярскими и небольшой группой более крупных помещиков.

Другая особенность этих мест заключалась в том, что подавляющее число мелких поместий было почти лишено крепостного населения. Все имевшиеся в уезде крепостные сосредоточивались в основном в руках небольшой группы более крупных помещиков — детей боярских.

При сравнении данных 1615 и 1630—1631 гг. выясняется, что число крепостных крестьян увеличивалось именно у крупных землевладельцев, имевших более 200 четвертей земли.

В одном селе или деревне могли проживать дети боярские с разным окладом, а следовательно, и с разной земельной дачей, что чаще всего и бывало. Помещикам каждого села и деревни отводилось в общем поле определенное количество земли. Часто деревням и селам давалась земля «сверх дач» и из этих так называемых «примерных» земель выделялись поместья новым детям боярским или старым в дополнение к их жеребьям.

Почти для всех детей боярских Чернского уезда было характерно жеребьевое, т. е. доленое, владение землей. Обычно поместье состояло из нескольких, чаще двух-трех жеребьев (долей), находившихся в разных деревнях и селах. По своим размерам жеребьи были различны, но преимущественно небольшие (10—30 четвертей в одном поле). Поэтому мелкопоместные дети боярские часто владели одним жеребьем; бывали, однако, случаи, когда поместье состояло из четырех-пяти, а то и больше жеребьев. Например, землевладелец Паршин Фрол Егупович владел поместьем в 96 четвертей, состоявшим из 6 жеребьев.

Часто встречались случаи, когда почти все жеребья деревни принадлежали одной или двум-трем фамилиям. Выделялась в Пятницком стане деревня Конь, в которой из 12 жеребьев 10 принадлежало Севрюковым, находившимся в родстве между собой; в селе Дупны из 10 жеребьев 5 принадлежали Сопрыкиным, 3—Степкиным и 2—Малыхиным. Для таких многодольных деревень были характерны жеребьи очень не-

большого размера, образовавшиеся в результате многократного дробления поместий.

Практиковавшаяся в то время мена отдельными долями жеребья еще больше увеличивала дробность и разбросанность владений и лишь иногда приводила к устранению их лоскутности. Так, сын боярский Зиборов, владевший поместьем в деревне Малый Конь Пятницкого стана, променял часть своего жеребья в этой деревне на земли в пустоши Хорошая Поляна Городского стана у своего племянника Трубникова Поликарпа²⁴. Таким образом, и без того небольшой жеребей (40 четвертей) он разбил на две доли (30 и 10 четвертей); если ранее он имел всю землю в одной деревне, то после мены владел ею в двух разных деревнях. Таких примеров можно привести несколько²⁵.

Жеребьево владение поместьем в XVII в. было широко распространено в Русском государстве, особенно среди мелкопоместных служилых людей. Оно было характерно как для замосковных помещиков²⁶, так и для южных детей боярских. Связано жеребьево владение было также с коллективным испомещением служилых людей, характерным для южной окраины. Так, путем одновременного испомещения семи человек в 1629—1630 гг., был создан починок Хорошая Поляна²⁷, где землю сразу же разбили на семь отдельных жеребьев. Часто участки свободного Дикого поля отводились дополнительно несколькими служилым людям, причем также в коллективное владение.

Только в единичных случаях выделялись владения половинами или целыми деревнями, принадлежавшими обычно крупным феодалам. Так, в 1615 г. в Городском стану деревня Нижняя Ивица находилась во владении детей боярских Офросимова и Егупа Паршина²⁸; в 1630—1631 гг. деревня Замятнина делилась пополам между Киреевым и Маховым²⁹. Целыми деревнями владели в 1615 г. боярин Ив. Вас. Голицын (деревни Веля, Ершова, Журавинка, Стромилова), в 1630—1631 гг. стольники князя И. Ф. Лыков (деревни Веля, Стромилова) и Ю. А. Сицкой (деревни Ершова, Журавинка)³⁰. Такие владения составляли исключения среди общего жеребьевого владения.

Интересный материал о порядке пользования землей дают отказные книги, в которых обычно при «отказе» поместий указывалось, как владеть пахотной землей и угодьями. Большею частью в них указывалось: «А пашню ему пахать с помещики тово ж села Никольского с черняны с детьми боярскими (имя рек) через десятину, а не врознь и не выбором», или: «а владеть тому Цымбалу Орнаутову тем своим поместьем в деревне и в пустоши с помещики вопче, которые с ними в одной меже, через десятину, а не врознь и не выбором»³¹. Это касалось одновременно испомещенных группой служилых людей, владения которых находились в одной меже. Так же часты случаи, когда указывалось пахать «через десятину» двоим или троим. Так, при отводе Прохору Ишкову 10¹/₄ четвертей в деревне Дехтевой отмечается: «пашню ему пахать с Артемом Беловым через десятину, а не врознь и не выбором»³². Такое пользование пашней было преобладающим. Суть его состояла в том, что нельзя было пахать отдельно от соседей на особо выделенном уча-

²⁴ ГИМ, ОР, Увар., 76—4⁰, лл. 315—316.

²⁵ Там же, лл. 349, 359, 375.

²⁶ Ю. В. Готье, *Замосковский край в XVII в.*, М., 1937, стр. 270.

²⁷ ГИМ, ОР, Увар., 76—4⁰, лл. 186—196.

²⁸ ЦГАДА, Писцовая книга, № 524, л. 31.

²⁹ ГИМ, ОР, Увар., 76—4⁰, лл. 130—131.

³⁰ Там же, лл. 1—26.

³¹ ЦГАДА, Отказные книги, № 8995, лл. 57—58.

³² Там же, лл. 31—33.

стке; следовало считаться с интересами своих товарищей, т. е. всей группы, которой был сделан отвод в одной меже. Поэтому пахоте подлежали лишь те участки земли, которые по согласованию между всеми доставались отдельному служилому человеку.

В делах Приказного стола Разрядного приказа сохранился чертеж (с надписями и текстом досмотра) чересполосного землевладения детей боярских в Курском уезде, хотя и за более позднее время — 1701 г.³³

Вопрос о землевладении южных служилых людей XVII в. разрабатывался целым рядом исследователей³⁴. Анализ же публикуемого в приложении досмотра и чертежа, а также данных отказных книг по Черни дает, как нам кажется, возможность наглядно представить себе эту систему владения «через межу, через десятину».

Каждое из трех полей по обычной трехпольной системе делилось в соответствии с условиями поместного отвода (по числу помещиков и в соответствии с размерами их дач) на загоны, т. е. участки определенной величины (в нашем случае, например, по 4 четверти). Загоны в каждом поле располагались группами по десяти; между десятками загонов делались проходы. Эти десятки, вероятно, и назывались «десятинами», и они-то и имелись в виду, когда употреблялось выражение «через десятину».

В каждой десятке всем давалось по определенному числу загонов в строгом порядке соседства так, чтобы в общей сумме все полученные загоны составляли целую дачу. Таким образом, никто не имел отдельно выделенной от других всей своей дачи, а получал чересполосно с соседями по определенному участку в каждой десятке, и соседи у него в каждой «десятине» (в каждой десятке загонов) были одни и те же; участки соседей разделялись межами. Несмотря на коллективный порядок размежевания, каждый служилый человек владел своими участками на личном праве.

Порядку владения «через десятину» противостоит порядок владения «с одного» или «выбором». Оба эти понятия отрицают порядок чересполосного владения. Владение «с одного» предусматривает владение в одном месте; владение «выбором» может иметь различное конкретное значение в зависимости от обстоятельств отвода, но по сути своей оно отрицает смысл чересполосной сябринной системы. Запрещение правительством указанных порядков землепользования («пахать через десятину, а не с одного и не выбором») свидетельствует, по-видимому, о стремлении служилых людей обойти сябринный уравнительный принцип. Поэтому правительство обычно вело с этой тенденцией борьбу, когда дело касалось приборных или мелкопоместных служилых людей.

Впрочем, помимо указанных порядков владения землей иногда допускались и другие. Например, при отводе поместья Зиборова в деревне Силиной новым помещикам Бешкерову и Семенихину указывалось: «А пашню пахать тому Исаю и Осипу вопче, а не врознь и не выбором, и не через десятину»³⁵. У этих помещиков пашня, очевидно, должна была быть в общем пользовании и обработке.

³³ Этот чертеж опубликован, но только как иллюстрация чересполосного землевладения на южной окраине России в XVII в. в «Очерках истории СССР. XVII в.», М., 1955, стр. 141. Полный текст досмотра и чертеж публикуется ниже.

³⁴ И. Н. Миклашевский, *К истории хозяйственного быта Московского государства в XVII в.*, ч. 1, М., 1894; Н. Г. Шмелев, *Несколько замечаний об однодворцах*, М., 1901; Н. А. Благовещенский, *Четвертное право*, М., 1899; П. Иванов, *Сябры — помещики*, — ЖМНП, 1903, № 12; А. А. Новосельский, *Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в.*, — ИЗ, 1938; № 4; В. А. Александров, *К вопросу...*

³⁵ ЦГАДА, Отказные книги, № 8995, лл. 65—66.

В тех случаях, когда поместье переходило близким родственникам, например жене и детям, вся земля обычно отмежевывалась всем в одном месте. Так, при отводе поместья Филиппа и Ивана Ишковых детям Филиппа, Прохору и Петру, указывалось: «разделил обоим сряду с одново, а не врознь и не через землю и не через дворы и не выбором»³⁶. Здесь, как видим, отводилась земля каждому в одном месте, а потому порядок землепользования не оговаривался.

В других случаях делалось иное указание: «а отказал то им поместье Ивану и Титу Онтоновым детям Венюковым, обоим сряду с одного, а пашню пахать Ивану да Титу через десятину, а не выбором»³⁷. Таким образом, несмотря на то что земли отводились в одном месте «сряду», пахать они должны были между собой опять-таки «через десятину», т. е. как сябры.

Как исключение встречается один случай, когда поместными землями предписывалось владеть одному хозяину: «а пашню ему (Мальцову Аверкию) пахать, сено косить и лес сечь и поместным угодьем владеть на том своем поместье одному»³⁸.

Что касается угодий (сенных, лесных и проч.), то ими обычно владели сообща те дети боярские, владения которых находились в одной меже: «а сено косить и лес сечь и всяким поместным угодьем владеть с теми помещики, которые с ним в одной меже». Сена каждый служилый человек косил соответственно своей земельной даче. Все остальные угодья всегда были в общем владении и пользовании как у мелких служилых людей по отечеству, так и у приборных людей (казаков, стрельцов): «А лес им большой Огнической хоромной и дровяной и выгоны вопче с помещики деревни Коня»³⁹.

Итак, порядок землепользования детей боярских примерно был таков же, как и у казаков, которые пахали «через межу», «через десятину» и угодьями владели «вопче». Как у казаков, так и у детей боярских возникали определенные хозяйственные отношения при распределении участков земли, при наблюдении за установленным порядком пользования землей, а значит, создавались и условия для некоторой общинной организации.

Однако есть и значительные различия между казачьим и служилым землепользованием. Следует помнить, что в XVII в. правительство с правовой точки зрения по-разному смотрело на землевладение служилых людей по отечеству и приборных служилых людей. Местная администрация легко могла исключить казака со службы или перевести в другое место. Одновременно нарушалась и его связь с участком, который давался во временное, исключительно условное пользование. Владение помещика было более прочным. Если он даже и переводился в другое место, то поместье его сохранялось за ним до тех пор, пока помещик сам не отказывался от него, найдя себе другое, об отводе которого он сам бил челом. Условия дачи поместья не были так однообразны, как при «строении» казачьих служб. Казаки получали равные «службы». Служилые люди по отечеству получали значительно более крупные земельные дачи, причем размер их зависел от ряда обстоятельств социального порядка. Этим объясняется в значительной степени разнообразие формул о порядке землепользования, с которым мы встречаемся в источниках при отводе поместных дач.

³⁶ Там же, лл. 1—3.

³⁷ Там же, лл. 80—82.

³⁸ Там же, лл. 65—66.

³⁹ Там же, лл. 8—10.

У казаков порядки товарищеского землепользования строже и последовательнее проводились в жизнь одинаково для всех; в землях помещичьих картина усложняется всякими отступлениями.

Вместе с тем среди служилых людей по отчеству определенно намечалась дифференциация порядков землепользования: у мелкопоместных помещиков-однодворцев складывалось сябринное землепользование в формах, наиболее близких к казачьему землевладению; более крупные землевладельцы имели возможность освободиться от стеснявших их форм товарищеского землевладения. Само наличие у них крепостного люда, которому надо было выделить особую запашку, не давало возможности уложиться в узкие формы товарищеского землепользования.

Таким образом, уже в первой половине XVII в. в уездах южной окраины (как это видно на примере Чернского уезда) Русского государства в формах землевладения можно наблюдать две расходящиеся линии развития: мелкие, не имеющие крепостных помещики-однодворцы усваивают тип сябринного землевладения; более сильные представители помещичьего класса, обеспеченные крепостным трудом, идут явно по линии развития обособленного владения на вотчинном праве. Известно, что в это время общая тенденция поместного землевладения в центре Русского государства заключалась в постепенном сближении поместного землевладения с вотчинным. Ниже приводится текст досмотра поместных земель 1701 г. и чертеж к нему.

1701 г. Досмотр поместных земель в Курском уезде в Подгородном стану в деревне на Старом Переседе по челобитью помещика Самсона Денисова.

«Лета 209 мая в 29 день по указу и великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца и по наказу стольника и воеводы князя Дмитрия Андреевича Кондорова-Мосальского с товарищи за приписью дьяка Михайла Жернова велено Федоту Андреевичу Горянову да подьячему Кузме Латыннину ехать в Курский уезд, в Подгородный стан, в деревню Переседову да за речку за Дичну на поместные земли курченина Милентья Трофимова сына Авдеева да Самсона Агеева сына Денисова, что он Самсон искал на нем Милентье владенья поместной с своей земли против крепостной дачи той земли, сколько кому дано с старожилы и сторонними людьми описал и измерил именно: та ево Самсонова земля с Милентьевою землею Авдеева и сына ево Любима через десятину ль и с их землею смежна ль, иль та земля с ево Милентьевою и сына ево Любима земля несмежна и не через десятину и не в тех местех, где Милентьева и сына ево Любимова земля в иных местех и с иными помещики [смежна ль]; и ныне та ево Самсонова земля порозжа ль или запахана и хлебом засеяна; и про ту землю с старожилы и сторонними людьми сыскивал в правду, в прошлом 196 году по 209 год тою ево Самсоновою землею владеет и ныне ту землю запахал и хлебом засеял он Милентей или та Самсонова земля порозжа и ни кто ево не владеет, и по сыску будет ево Самсонова земля явится во владеньи Милентья Авдеева и сына ево Любима, и ту Самсонову землю измерить в десятины, и на той земли посеяной всякой хлеб им потом уж отписать именно; и до указу великого государя того хлеба Милентью и Самсону и иным никому жать не велеть, а описать то все именно, измерив, учинить той всей земле чертеж и в чертеже ту землю, которой владенья искал Самсон Денисов, в которых местех та ево Самсонова земля с Милентьевою и сына ево Любима землею смежна или с иною с чьею или порозжа ль или запахана и хлебом засеяна, то все потомуж написать именно со всякою подлинною очисткою с размером.

И мы, Федот да Кузма, приехав в деревню на Старом Переседе и за речку Дичну на землю Самсона Денисова да Милентья Авдеева, взяв с собою старожилы и сторонних людей, и с теми сторонними людьми по крепостем той земли, в которых местех и сколько кому дано, по дачам в 157 году дано в Курском уезде в Подгородном стану в деревне на Старом Переседе Дмитровское поместье Малыхина 150 четь: Федосею Малютину, Михаилу Истомину по 75 четь человеку, да в той деревне Филипповское поместье Благова 50 четь дано Любиму Авдееву, да в той же деревне дано Любиму Долженкову 20 четь; и тою ж дачею Федосея Малютина жеребьем владеет внук ево Андрей Малютин, а Михайловым жеребьем Истомина владеет Милентей Авдеев с сыном Любимом по 75 четвертей, а к той Михайловой

дачи к 75 четям дано Саве Анофриеву 44 четь без третника, Самсону Денисову 20 четь с третником, Любиму Авдееву 11 четь; да в той же дачи Филипповское поместье Благова 50 четь дано Любиму Авдееву, и теми 50 четвертями и до сего числа владеет Милентей Авдеев с сыном Любимом да с Андреем Малютиным пополам для того, что та земля у них в споре; и против вышеписанных крепостей той земли, в **которых местех сколько кому дано, сторожилы и сторонними людьми отписали именно и владенья, что искал Самсон Денисов на Милентье Авдееве и на сыне ево Любиме, отмерил и той земли учинен чертеж; а по осмотру та ево Самсонова земля с Милентьевою землею Авдеева и сына ево Любима в Курском уезде, в Подгородном стану, в деревне на Старом Переседе за речку Дичну явилось в одном поле через межу, и тою ево Самсоновою землею он Милентей с сыном своим Любимом владеет, и ево Самсонов жеребей запахали и хлебом засеяли: в еровом клину еровым хлебом 5 загонов, в паринном клину 4 загона, в орженном клину засеяно рожью 5 загонов, а по мере те загоны поперечнику по 20 сажень... а владеет Андрей Малютин и Милентей Авдеев с сыном Любимом и Любимом Долженковым поместными своими землями по своим дачам через межу, а Самсонов жеребей 20 четь явился во владеньи Милентья Авдеева и сына ево Любима, что ему Милентью и сыну ево Любиму дано из Михайловского поместья Истомина.**

А у досмотру и у обыску были курчентя Андрей Агеев сын Малютин да ево крестьяне Свиридко Данилов, Якушко Дуев, Антипка Тимофеев, Ивашка Холенов, Игнатка Чекаданов и сказали по святой и непорочной евангельской заповеди господней в правду: в Курском уезде, в Подгородном стану, в деревне на Старом Переседе Самсоновою дачею Денисова Милентей с сыном Любимом и Любимом Долженковым владеют через межу.

А сторонние люди, которые живут поблизку от их Самсоновой и Милентьевой земли, по многим по сыскам для осмотру и розыску той ево Самсоновой земли Денисова не бывали, а который хлеб во владеньи и в запашке по досмотру явился Милентьева и сына ево Любима, и того хлеба им Самсону и Милентью до указу великого государя жать не велено».

Под чертежем на л. 266 помещен следующий текст:

«Поместная дача в деревни на Старом Переседе Дмитровское поместье Малыхина 150 четей дано Федосию Малютину да Михаилу Истомину в 157 году; с того числа и до сего числа Федосеевым жеребьем владеет внук его Андрей Малютин, да Михайловым жеребьем Истомина владеет Милентей Авдеев с сыном с Любимом по 75 четь; а к той Михайловой дачи дано Саве Анофриеву 44 без третника, Самсону Денисову 20 четь с третником, Любиму Авдееву 11 четь. Да в той же дачи Филипповское поместье Благова 50 четь дано Любиму Авдееву; и тою 50 четями и до сего числа владеют [Милентий] с сыном Любимом с Андреем Малютиным пополам для того что та [земля] у них в споре; да в той же даче Любиму Долженкову 20 четей; и тою вышеписанною землею они, Андрей и Милентей с сыном и Любим Долженков владеют по дачам через межу; [а Самсо]нов жеребей из Михайловой дачи Истомина явился во владении Милентья Авдеева».

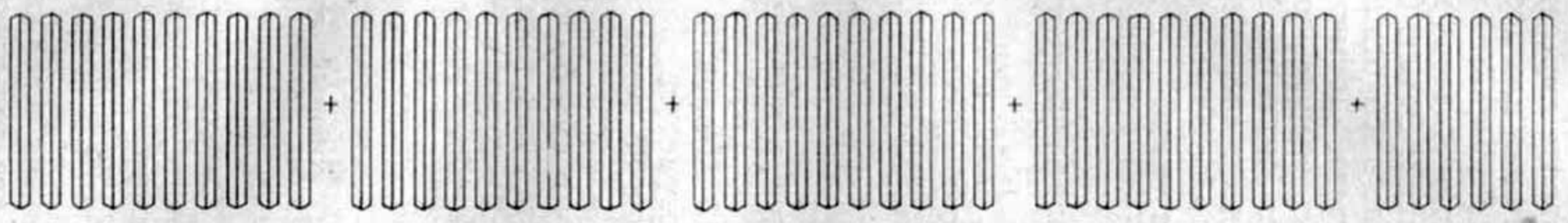
*ЦГАДА, Разрядный приказ,
Приказный стол, № 2449, лл. 263—266.*

Из текста досмотра видно, что в 1648/9 г. в Курском уезде в деревне на Старом Переседе (в Подгорном стану) бывшее поместье Дмитрия Малыхина 150 четвертей было разделено поровну между Федосеем Малютиным и Михаилом Истоминым по 75 четвертей, в той же деревне бывшее поместье Филиппа Благова — 50 четвертей дано было Любиму Авдееву, здесь же было дано поместье Любиму Долженкову — 20 четвертей, всего 220 четвертей. К 1701 г. жеребьем Федосея Малютина 75 четвертей владел внук его Андрей Малютин, жеребьем Михаила Истомина — Милентий Авдеев с сыном Любимом. И к этой Михайловой даче Истомина, к 75 четвертям, дано было 44 четверти Саве Анофриеву, 20 четвертей Самсону Денисову, 11 четвертей Любиму Авдееву; да этому же Любиму отдано поместье Благова 50 четвертей.

Однако этот порядок не удержался: Самсон Денисов с 1688 по 1701 г. был в отсутствии, очевидно, и его 20 четвертей стали обрабатывать Милентий и Любим Авдеевы, но в то же время Андрей Малютин стал оспаривать передачу Любиму Авдееву Благовского поместья (50 четвертей) и они начали пахать его пополам: 25 четвертей — Анд-

Загоны орженые

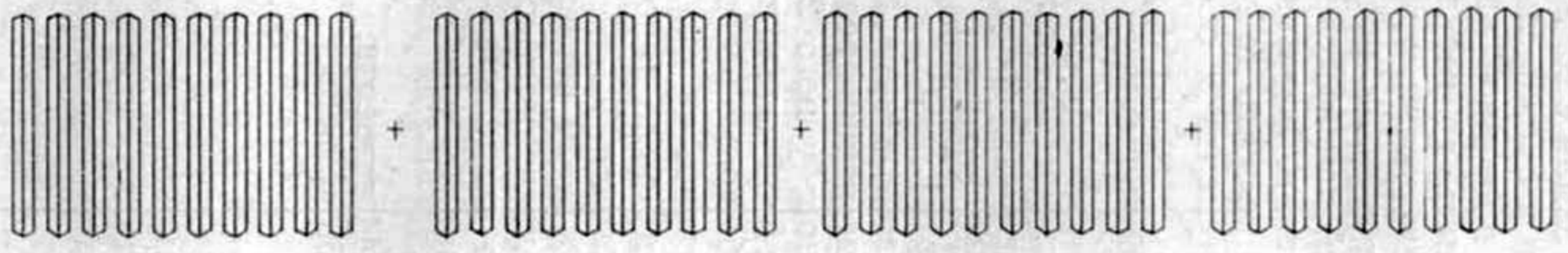
Самсоновы 5-загонов засеял рожью Милентей Авдеев с сыном

дорога полевая

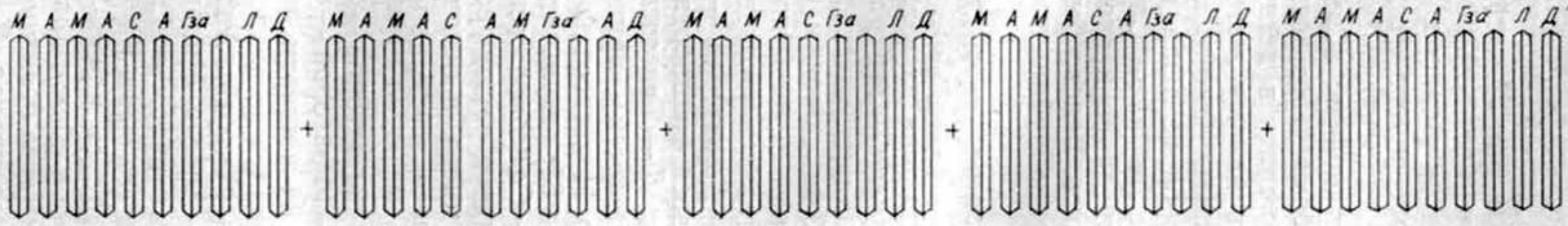
паренныя

Самсоновы 4 загона

Загоны еровые

Федосея да Михайла 150 четь Благова 50 четь Долженкова 20 четь

В сих трех Любима
11 четь Благова 50 четь

Дворы Андрея Малюшина

Деревня на Старом Переседе

Дворы Милентия Авдеева

Чертеж досмотра

рей Малютин, 25 четвертей — Милентий и Любим Авдеевы. Долженков продолжал владеть 20 четвертями по-прежнему.

Самсон Денисов, вернувшись, учинил иск о возврате ему запаханного и засеянного его жеребья — 20 четвертей. Посланным для досмотра Федоту Андреевичу Горяинову с подьячим Кузьмою Латыниным велено было установить: «Самсонова земля с землей Милентия Авдеева и сына его Любима через десятину ли и смежна ль с их землей? Землю Самсонова измерить в десятины и посеянной на его земле хлеб отписать и заказать никому жать не велеть до государева указа». Досмотр был выполнен и представлен чертеж, копия которого здесь воспроизводится.

Сторонние люди, понятые курчане, показали, что Милентий Авдеев с сыном Любимом Самсоновой дачей Денисова владеют «через между», запахали давно и хлебом засеяли. Ближние соседи на осмотр и обыск не явились. Велено было хлеб не жать до государева указа.

Анализ публикуемого документа и обозначений на чертеже показывает:

1) *загоны* — это доли, обозначенные тремя параллельными линиями.

2) ширина их в данном случае 20 сажень, длина равна поперечнику клина (*клин* — это ряд загонов — ярового, парового и озимого поля); точнее, длина здесь равна 240 саженьям, если считать десятину равной 2400 кв. саженьям (2 четверти).

3) над нижней полосой загонов ярового поля проставлены инициалы владельцев загонов, которые расшифровываем так:

Д — *Долженков* — 5 загонов; у него 20 четвертей в поле; значит, загон равен 4 четвертям — $20 : 5 = 4$ четверти.

Г за Л — *Три загона Любимовы*: всего у него 15 загонов ($15 \times 4 = 60$ четвертей), причем отмечено: «в сих трех (разумеется, загонах) Любима 11 четвертей» (как ему было дано), «Благова 50 четв.», следовательно 61; результат почти сходен.

С — *Самсонов*: всего 5; $4 \times 5 = 20$ четвертей; то, что ему было дано.

Труднее расшифровать с уверенностью *М* и *А*, так как таких инициалов много, а основные два владельца — Андрей Малютин и Милентий Авдеев, имеют одни инициалы, хотя и расположенные в обратном порядке.

М — 11 загонов — $4 \times 11 = 44$ четверти.

А — 14 загонов — $4 \times 14 = 56$ четвертей.

Но 44 четверти числятся за Савой Анофриевым, который, видимо, не удержался во владении. Поэтому думаем, что:

М — Малютин Андрей, а

А — Авдеев Милентий, так как загоны *С*, т. е. Самсоновы, всюду находятся рядом с *А*, а исходя из смысла текста, они с загонами Милентия и его сына Любима Авдеева должны быть смежны.

4) «*Через между*» — значит рядом, но *размежеванно*, а не в общем заgone, не в общем владении.

5) «*Через десятину*» — мы видим, что во всех клиньях через каждые 10 загонов проход. Суть порядка состоит в том, что все дольщики владеют в каждой из этих групп по соответствующему их дачам числу загонов в определенном порядке соседства; так, например, три загона Любима во всех пяти группах расположены рядом с Долженковым справа и с Авдеевым слева (за одним исключением, где в целях уравнения уставлен добавочный загон для Малютина и потому получилось не 10, а 11 загонов за счет соседней группы, где 9 загонов).

Вот эти-то группы по 10 загонов и есть, как нам кажется, «*десятины*», имевшиеся в виду в выражении: «*через десятину*».